

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я в Смоленщине, в 1910 году, 21 июня, на «хуторе пустоши Столпово», как назывался в бумагах клочок земли, приобретённый моим отцом, Трифоном Гордеевичем Твардовским, через Поземельный крестьянский банк с выплатой в рассрочку. Земля эта — десять с небольшим десятин, — вся в мелких болотцах — «оборках», как их у нас называли, и вся заросшая лозняком, ельником, березкой, — была во всех смыслах незавидна. Но для отца, который был единственным сыном безземельного солдата и многолетним тяжким трудом кузнеца заработал сумму, необходимую для первого взноса в банк, земля эта была дорога до святости. И нам, детям, он с самого малого возраста внушал любовь и уваже-

ние к этой кислой, подзолистой, скупой и недоброй, но **нашей** земле — нашему «имению», как в шутку и не в шутку называл он свой хутор. Местность эта была довольно дикая, в стороне от дорог, и отец, замечательный мастер кузнечного дела, вскоре закрыл кузницу, решив жить с земли. Но ему то и дело приходилось обращаться к молотку: арендовать в отходе чужой горн и наковальню, работая исполу.

В жизни нашей семьи бывали изредка просветы относительного достатка, но вообще жилось скудно и трудно и, может быть, тем труднее, что наша фамилия в обычном обиходе снабжалась еще шутливо-благожелательным или ироническим добавлением «пан», как бы обязывая отца тянуться изо всех сил, чтобы хоть сколько-нибудь оправдать её. Между прочим, он любил носить шляпу, что в нашей местности, где он был человек «пришлый», не коренной, выглядело странностью и даже некоторым вызовом, и нам, детям, не позволял носить лаптей, хотя из-за этого случалось бегать босиком до глубокой осени. Вообще многое в нашем быту было «не как у людей».

Отец был человеком грамотным и даже начитанным по-деревенски. Книга не являлась редкостью в нашем домашнем обиходе. Целые зимние вечера у нас часто отдавались чтению вслух какой-либо книги. Первое моё знакомство с «Полтавой» и «Дубровским» Пушкина, «Тарасом Бульбой» Гоголя, популярнейшими стихотворениями Лермонтова, Некрасова, А. К. Толстого, Никитина произошло таким именно образом. Отец и на память знал много стихов: «Бородино», «Князя Курбского», чуть ли не всего ершовского «Конька-Горбунка». Кроме того, он любил и умел петь, смолоду даже отличался в церковном хоре. Обнаружив, что слова общеизвестной «Коробушки» только малая часть «Коробейников» Некрасова, он певал при случае целиком всю эту поэму.

Мать моя, Мария Митрофановна, была всегда очень впечатлительна и чутка, даже не без сентиментальности, ко многому, что находилось вне практических, житейских интересов крестьянского двора, хлопот и забот хозяйки в большой многодетной семье. Её до слез трогал звук пастушьей трубы где-нибудь вдалеке за нашими хуторскими кустами и бо-

лотцами, или отголосок песни с далёких деревенских полей, или, например, запах первого молодого сена, вид какого-нибудь одинокого деревца и т. п.

Стихи писать я начал до овладения первоначальной грамотой. Хорошо помню, что первое моё стихотворение, обличающее моих сверстников, разорителей птичьих гнезд, я пытался записать, ещё не зная всех букв алфавита и, конечно, не имея понятия о правилах стихосложения. Там не было ни лада, ни ряда — ничего от стиха, но я отчётливо помню, что было страстное, горячее до сердцебиения желание всего этого — и лада, и ряда, и музыки, — желание родить их на свет, и немедленно, — чувство, сопутствующее и доныне всякому новому замыслу.

Что стихи можно сочинять самому, я понял в связи с тем, что гостивший у нас в голодное время летом дальний наш городской родственник по материнской линии, хромой гимназист, как-то прочёл по просьбе отца стихи собственного сочинения «Осень»:

Листья давно облетели,
И голые сучья торчат...

Строки эти, помню, потрясли меня тогда своей выразительностью: «голые сучья» — это было так просто, обыкновенные слова, которые говорятся всеми, но это были стихи, звучащие как из книги.

С того времени я и пишу. Из первых стихов, внушивших мне какую-то уверенность в способности к этому делу, помню строчки, написанные, как видно, под влиянием пушкинского «Вурдалака»:

Раз я позднею порой
Шел от Вознова домой.
Трусоват я был немного,
И страшна была дорога:
На лужайке меж ракит
Шупень старый был убит...

Речь шла об одинокой могиле на середине пути до деревни Ковалёво, где жил наш родственник Михайло Вознов. Похоронен в ней был некто Шупень, убитый на том месте. И хотя никаких ракит там поблизости не было, никто из домашних не попрекнул меня этой неточностью: зато было складно.

По-разному благосклонно и по-разному с тревогой относились мои родители к тому, что я стал сочинять стихи. Отцу,

человеку очень честолюбивому, это было лестно, но из книг он знал, что писательство не сулит больших выгод, что писатели бывают и не знаменитые, безденежные, живущие на чердаках и голодающие. Мать, видя мою приверженность к таким необычным занятиям, по-своему чуяла в ней некую печальную предназначенность моей судьбы и жалела меня.

Лет тринадцати я как-то показал свои стихи одному молодому учителю. Ничуть не шутя, он сказал, что так теперь писать не годится: всё у меня до слова понятно, а нужно, чтобы ни с какого конца нельзя было понять, что и про что в стихах написано, — таковы современные литературные требования. Он показал мне журналы с некоторыми образцами тогдашней — начала двадцатых годов — поэзии. Какое-то время я упорно добивался в своих стихах непонятности. Это долго не удавалось мне, и я пережил тогда, пожалуй, первое по времени горькое сомнение в своих способностях. Помнится, я, наконец, написал что-то уж настолько не понятное ни с какого конца, что ни одной строчки вспомнить не могу оттуда и не знаю даже, о чём там шла

речь. Помню лишь факт написания чего-то такого.

С 1924 года я начал посылать небольшие заметки в редакции смоленских газет. Писал о неисправных мостах, о комсомольских субботниках, о злоупотреблениях местных властей и т. п. Изредка заметки печатались. Это делало меня, рядового сельского комсомольца, в глазах моих сверстников и вообще окрестных жителей лицом значительным. Ко мне обращались с жалобами, с предложениями написать о том-то и том-то, «протянуть» такого-то в газете... Потом я отважился послать и стихи. В газете «Смоленская деревня» летом 1925 года появилось моё первое напечатанное стихотворение «Новая изба». Начиналось оно так:

Пахнет свежей сосновой смолою,
Желтоватые стены блестят.
Хорошо заживём мы с весною
Здесь на новый, советский лад...

После этого я, собрав с десятков стихотворений, отправился в Смоленск к М. В. Исаковскому, работавшему там в редакции газеты «Рабочий путь». Принял он меня приветливо, отобрав часть сти-

хотворений, вызвал художника, который зарисовал меня, и вскоре в деревню пришла газета со стихами и портретом «селькора — поэта А. Твардовского».

Михаилу Исаковскому, земляку, а впоследствии другу, я очень многим обязан в своём развитии. Он, может быть, единственный из советских поэтов, чьё непосредственное влияние я всегда признаю и считаю, что оно было благотворным для меня. В стихах своего земляка, уже известного в наших краях поэта, я увидел, что предметом поэзии может и должна быть окружающая меня жизнь советской деревни, наша неприятная смоленская природа, собственный мой мир впечатлений, чувств, душевных привязанностей. Пример его поэзии обратил меня в моих юношеских опытах к существенной объективной теме, к стремлению рассказывать и говорить в стихах о чём-то интересном не только для меня, но и для тех простых, не искусшенных в литературном отношении людей, среди которых я продолжал жить. Ко всему этому, конечно, необходима оговорка, что писал я тогда очень плохо, ученически беспомощно, подражательно.

В развитии и росте моего литературного поколения было, мне кажется, самым трудным и для многих моих сверстников губительным то, что мы, втягиваясь в литературную работу, выступая в печати и даже становясь уже «профессиональными» литераторами, оставались людьми без сколько-нибудь серьёзной общей культуры, без образования. Поверхностная начитанность, некоторая осведомлённость в «малых секретах» ремесла питала в нас опасные иллюзии.

Обучение мое прервалось, по существу, с окончанием сельской школы. Годы, назначенные для нормальной и последовательной учёбы, ушли. Восемнадцатилетним парнем я приехал в Смоленск, где не мог долго устроиться не только на учёбу, но даже на работу — по тем временам это было ещё нелегко, тем более что специальности у меня никакой не было. Поневоле пришлось принимать за источник существования грошовый литературный заработок и обивать пороги редакций. Я и тогда понимал незавидность такого положения, но отступить было некуда, — в деревню я вернуться не мог, а молодость позво-

ляла видеть впереди, в недалёком будущем, только хорошее.

Когда в московском «толстом» журнале «Октябрь» М. А. Светлов напечатал мои стихи и кто-то где-то отметил их в критике, я заявился в Москву. Но получилось примерно то же самое, что со Смоленском. Меня изредка печатали, кто-то одобрял мои опыты, поддерживал ребяческие надежды, но зарабатывал я ненамного больше, чем в Смоленске, и жил по углам, койкам, слонялся по редакциям, и меня всё заметнее относило куда-то в сторону от прямого и трудного пути настоящей учёбы, настоящей жизни. Зимой тридцатого года я вернулся в Смоленск и прожил там лет шесть-семь, до появления в печати поэмы «Страна Муравия».

Период этот — может быть, самый решающий и значительный в моей литературной судьбе. Это были годы великого переустройства деревни на основе коллективизации, и это время явилось для меня тем же, чем для более старшего поколения — Октябрьская революция и гражданская война. Всё то, что происходило тогда в деревне, каса-

лось меня самым ближайшим образом в житейском, общественном, морально-этическом смысле. Именно этим годам я обязан своим поэтическим рождением. В Смоленске я наконец принялся за нормальное учение. С помощью ныне покойного смоленского партийного работника А. Н. Локтева поступил я в Педагогический институт без приёмных испытаний, но с обязательством сдать в первый год все необходимые предметы за среднюю школу, в которой я не учился. Мне удалось в первый же год выровняться с моими однокурсниками, успешно закончить второй курс, с третьего я ушёл по сложившимся обстоятельствам и доучивался уже в Московском институте истории, философии и литературы (МИФЛИ), куда поступил осенью тридцать шестого года.

Эти годы учёбы и работы в Смоленске навсегда отмечены для меня высоким душевным подъёмом. Никаким сравнением я не мог бы преувеличить испытанную тогда впервые радость приобщения к миру идей и образов, открывшихся мне со страниц книг, о существовании которых я ранее не имел понятия. Но, может быть, всё это было бы для меня

«прохождением» институтской программы, если бы одновременно меня не захватил всего целиком другой мир — реальный нынешний мир потрясений, борьбы, перемен, происходивших в те годы в деревне. Отрываясь от книг и учёбы, я ездил в колхозы в качестве корреспондента областных газет, вникал со страстью во всё, что составляло собою новый, впервые складывающийся строй сельской жизни, писал статьи, корреспонденции и вёл всякие записи, за каждой поездкой отмечая для себя то новое, что открылось мне в сложном процессе становления колхозной жизни. Около этого времени я совсем разучился писать стихи, как писал их прежде, пережил крайнее отвращение к «стихотворству» — составлению строк определённого размера с обязательным набором эпитетов, подыскиванием редких рифм и ассонансов, стремлением попасть в известный, принятый в тогдашнем поэтическом обиходе тон.

Моя поэма «Путь к социализму», озаглавленная так по названию колхоза, о котором шла речь, была сознательной попыткой говорить в стихах обычными

СОДЕРЖАНИЕ

АВТОБИОГРАФИЯ	5
О РОДИНЕ БОЛЬШОЙ И МАЛОЙ.....	27

Из книги «Родина и чужбина»

ИЗ УТРАЧЕННЫХ ЗАПИСЕЙ.....	35
НАДЯ КУТАЕВА	42
КОМБАТ КРАСНИКОВ	48
ТЁТЯ ЗОЯ.....	54
ДЕТИ И ВОЙНА	61
«НЕСЧАСТНАЯ КОЛОННА»	64

Послевоенные рассказы и очерки

«КОСТЯ».....	70
НА ХУТОРЕ В ТЮРЕ-ФИОРДЕ	95
ПЕЧНИКИ.....	142

Стихотворения

РОДНОЕ.....	202
МАТЕРИ	203
«КРУЖИЛИСЬ БЕЛЫЕ БЕРЕЗКИ...»	204
МАТЬ И СЫН.....	205
«ВЕЛИКА СТРАНА РОДНАЯ...»	207
«ПУСКАЙ ДО ПОСЛЕДНЕГО ЧАСА РАСПЛАТЫ...»	207
РАССКАЗ ТАНКИСТА	208
«ОТЦОВ И ПРАДЕДОВ ПРИМЕТА...»	211
У СЛАВНОЙ МОГИЛЫ.....	212
«В ПИЛОТКЕ МАЛЬЧИК БОСОНОГИЙ...».....	213
«В ПОЛЕ, РУЧЬЯМИ ИЗРЫТОМ...»	214
«ПЕРЕД ВОЙНОЙ, КАК БУДТО В ЗНАК БЕДЫ...»	215
Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ	216

В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ОКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА.....	223
«КАК ТОЛЬКО СНЕГ НАЧНУТ БУРАВИТЬ...».....	228
ИХ ПАМЯТИ.....	229
22 ИЮНЯ 1941 ГОДА.....	231
СЫНУ ПОГИБШЕГО ВОИНА.....	233
ЖЕСТОКАЯ ПАМЯТЬ.....	234
В ТЕ ДНИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.....	236
ПРИЗНАНИЕ.....	238
«ВЕТЕР КАКОЙ — ТЫ СЛЫШИШЬ?...».....	239
«СНЕГА ПОТЕМНЕЮТ СИННИЕ...».....	240
«ТЫ ДУРА, СМЕРТЬ: ГРОЗИШЬСЯ ЛЮДЯМ...».....	241
МОИМ КРИТИКАМ.....	242
«НЕ ЗНАЮ, КАК БЫ Я ЛЮБИЛ...».....	242
«ТА КРОВЬ, ЧТО ПРОЛИТА НЕДАРОМ...».....	243
О СУЩЕМ.....	244
В ТАЙГЕ ПРИМОРЬЯ.....	245
«ДРОБИТСЯ РВАНЫЙ ЦОКОЛЬ МОНУМЕНТА...».....	246
«ВСЕ СРОКИ КРАТКИ В ЭТОМ МИРЕ...».....	246
«КАК НЕПРИЮТНО ЭТИМ СОСНАМ В ПАРКЕ...».....	247
«КАК ПОСЛЕ МАРТОВСКИХ МЕТЕЛЕЙ...».....	248
«МНОГОСНЕЖНАЯ ЗИМА...».....	249
«ЕСТЬ ИМЕНА И ЕСТЬ ТАКИЕ ДАТЫ...».....	249
«Я ЗНАЮ, НИКАКОЙ МОЕЙ ВИНЫ...».....	250
«СПАСИБО ЗА УТРО ТАКОЕ...».....	250
«ВРЕМЯ, СКОРОЕ НА РАСПРАВУ...».....	251
«К ОБИДАМ ГОРЬКИМ СОБСТВЕННОЙ ПЕРСОНЫ...».....	252
«НЕТ НИЧЕГО, ЧТО РАЗ И НАВСЕГДА».....	252
«ЧАС МОЙ УТРЕННИЙ, ЧАС КОНТРОЛЬНЫЙ».....	253